ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

УДК: 332.145, 336.143
JEL: R508

Анализ структуры расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2018-2025 гг.

С.В. Седова, к.э.н.
https://orcid.org/0000-0002-9997-4424; SPIN-код (РИНЦ): 5190-4276
e-mail: *ssedovs@mail.ru*

Для цитирования
Седова С.В. Анализ структуры расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2018-2025 гг. // Проблемы рыночной экономики. - 2026. - № 3. - С. 130-143.
DOI: 10.33051/2500-2325-2026-3-130-143

Аннотация
Объектом настоящего исследования выступают расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации. Предметом исследования является динамика структуры этих расходов в разрезе функций органов государственного управления в период 2018–2025 гг. Анализ структуры расходов проводится как по совокупности консолидированных бюджетов всех субъектов РФ, так и по каждому субъекту РФ. Показано, что изменения в распределении бюджетных ресурсов в большинстве субъектов РФ корреспондировались с ключевыми событиями и вызовами данного периода. Выявлена значительная неоднородность субъектов РФ по структуре расходов их консолидированных бюджетов, а также по характеру и масштабу ее изменений, что отражает региональную специфику социально-экономических условий и финансовых возможностей. Для характеристики степени изменения структуры расходов предложен показатель, названный индексом перераспределения. С помощью введенного показателя установлено, что наибольшим изменениям функциональная структура расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации подвергалась в 2020 г. и 2022 годы в ответ на внешние вызовы. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования результатов анализа для оценки качества региональной бюджетной политики, выявления рисков несбалансированности бюджетов и определения направлений повышения результативности и эффективности бюджетных расходов.

Ключевые слова: *субъекты РФ, социально-экономическое развитие, консолидированные бюджеты, функциональные разделы, структура расходов, перераспределение, индекс, динамика, внешние вызовы, бюджетная самообеспеченность.*

Analysis of the expenditure structure of consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation in 2018-2025

Svetlana V. Sedova, Cand. of Sci. (Econ.)
https://orcid.org/0000-0002-9997-4424; SPIN-код (РИНЦ): 5190-4276
e-mail: *ssedovs@mail.ru*

For citation
Sedova S.V. Analysis of the expenditure structure of consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation in 2018-2025 // Market economy problems. - 2026. - No. 3. - Pp. 130-143 (In Russian).
DOI: 10.33051/2500-2325-2026-3-130-143

Abstract
The object of this study is the expenditures of the consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation. The subject of the study is the dynamics of the structure of these expenses in terms of the functions of government bodies for the period 2018–2025. The analysis of the expenditure structure is carried out both for the aggregate consolidated budgets of all constituent entities of the Russian Federation and for each constituent entity of the Russian Federation. The analysis showed that changes in the distribution of budgetary resources in most constituent entities of the Russian Federation corresponded with the key events and challenges of this period. Significant heterogeneity was revealed among the constituent entities of the Russian Federation in terms of the structure of expenditures in their consolidated budgets, as well as in the nature and scale of its changes, which reflects the regional specifics of socio-economic conditions and financial capabilities. To characterize the degree of change in the structure of expenditures, an indicator called the redistribution index is proposed. Using the introduced indicator, it was established that the functional structure of expenditures of the consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation underwent the greatest changes in 2020 and 2022 in response to external challenges. The practical significance of the article lies in the possibility of using the results of the analysis to assess the quality of regional budget policy, identify the risks of budget imbalances and determine areas for improving the effectiveness and efficiency of budget expenditures.

Keywords: *subjects of the Russian Federation, socio-economic development, consolidated budgets, internal sections, expenditure structure, redistribution, index, dynamics, external challenges, budgetary self-sufficiency.*

Введение

В условиях внешних вызовов устойчивость национальной бюджетной системы приобретает особое значение, поскольку именно государственное бюджетирование обеспечивает финансирование социальных обязательств, инфраструктурного развития и мер поддержки экономики в субъектах РФ. Очевидно, внешние вызовы порождают потребность в дополнительных бюджетных расходах, необходимых для преодоления их негативного влияния. Однако, финансово-экономические возможности большинства субъектов РФ и в относительно «безшоковое» время недостаточны для увеличения собственной доходной базы и, соответственно, повышения уровня их социально-экономического развития [4, 5, 9]. Оба указанных фактора повышают риски дисбалансов национальной бюджетной системы.

Актуальность настоящего исследования определяется важностью оценки изменений функциональной структуры расходов консолидированных бюджетов (далее КБ) субъектов РФ в условиях внешних вызовов, так как различные функции органов государственного управления оказывают различное влияние на его бюджетную самообеспеченность. Мы исходим из того, что особую значимость приобретает анализ соотношения социальных и экономических расходов. Непосредственное влияние на повышение бюджетной самообеспеченности субъекта РФ оказывают бюджетные расходы на «Национальную экономику». Именно эти расходы направлены на обеспечение реализации инвестиционных проектов, которые приводят к созданию дополнительных рабочих мест на территории данного субъекта РФ и повышению налоговых отчислений в бюджеты разных уровней. Тогда как государственное бюджетное финансирование расходов на образование, здравоохранение, социальную политику и жилищно-коммунальное хозяйство оказывает косвенное и менее выраженное влияние на налоговые доходы субъекта РФ [10].

В научной литературе широко представлены работы, посвященные анализу расходной части бюджетов субъектов РФ. Можно выделить несколько направлений таких исследований. Одно из них связано с построением моделей двух типов: формирования бюджетных расходов и оценки влияния бюджетных расходов на экономический рост.

Вариант модели первого типа приведен в публикации Гурвица Е.Т. и Краснопеевой Н. А. [3]. Авторами на базе квантильной регрессии построена модель бюджетных расходов для 82 субъектов РФ на данных бюджетов субъектов РФ за период с 2011 по 2019 г., который можно считать относительно стабильным. Выполненные расчеты позволили авторам прийти к следующему заключению. Расходы на национальную экономику и ЖКХ демонстрируют максимальную эластичность по бюджетным доходам, расходы на социальную политику, здравоохранение и образование имеют сравнительно низкую эластичность, а расходы на культуру и общегосударственные вопросы занимают промежуточное положение. Схожие модели квантильной регрессии применялись исследователями для оценки влияния различных факторов на структуру бюджетных расходов в Индии [13], Китае [14] и Бразилии [15].

Ко второму типу относятся VAR-модели, используемые Кудриным Л.А. и Кнобелем А.Ю. [8] и Балаевым А.И. [1] для анализа взаимосвязи бюджетных расходов и экономического роста в России. В работе Кудрина Л.А. и Кнобеля А.Ю. на данных за 2011-2017 годы показано, что перераспределение ресурсов от непроизводительных расходов к производительным могло бы повысить долгосрочные темпы экономического роста примерно на 0,8 процентных пункта (далее п.п.) Согласно расчетам Балаева А.И. за период 2000-2017 гг., наибольший положительный эффект на экономический рост оказывают расходы на «национальную экономику»: их повышение на 1% ВВП при сохранении общей суммы расходов приводит к увеличению темпа роста ВВП на 1,1 п.п. Следующий по величине эффект дают расходы на образование - 0,8 п.п. Расходы на здравоохранение обладают наименьшим положительным влиянием на рост, равным 0,1 п.п. Расходы на оборону и социальные расходы обладают отрицательным эффектом, составляющим –2,1 и –0,7 п.п., соответственно.

Другое научное направление включает многочисленные публикации, в которых рассматриваются состав и структура бюджетных расходов отдельных субъектов РФ.

В работе Кадомцевой С.В., Манаховой И.В. [6] изучается взаимосвязь доходов и расходов КБ субъектов Северо-Западного федерального округа с основными социально-экономическими показателями регионального развития, определяющими качество и уровень жизни населения. Авторы для каждого субъекта округа выявляют, какие функциональные разделы расходов их КБ являются приоритетными, и делают следующий вывод: «чем выше бюджетная обеспеченность регионов за счет собственных доходов, тем больше средств для экономического маневра в области реализации региональных проектов, нацеленных на долгосрочное развитие и улучшение жизни» [6, стр. 74].

Яковлева А. С. в своей публикации [12] показывает, что в период 2020-2023 гг. структура расходов бюджетов субъектов Приволжского федерального округа демонстрирует стабильность и в большинстве случаев имеет минимальные межрегиональные различия. Представляется обоснованным вывод автора о том, что «схожесть структуры расходов субъектов ПФО и высокий разрыв по абсолютной величине расходов вызывают опасения в сокращении дифференциации между регионами и обеспечении экономической безопасности» [12, стр. 7].

В работе Чиджиева А.У. [11] анализируется структура консолидированного бюджета Республики Калмыкия на 2023 год. Автор предлагает перечень мер по повышению эффективности бюджетных расходов, поскольку высокая доля безвозмездных поступлений из федерального бюджета в структуре бюджетных доходов данного субъекта РФ препятствует реализации индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Калмыкия до 2030 года.

В статье [7] проведен корреляционный анализ параметров бюджетов республик Тыва, Алтай и Бурятия за период 2010-2023 гг. Показано, что увеличение налоговых и неналоговых бюджетных доходов является главным фактором снижения дотационности и, соответственно, повышения уровня социально-экономического развития этих субъектов РФ.

Несмотря на наличие значительного числа работ, посвященных бюджетной политике субъектов РФ, вопрос о структурных сдвигах в расходах региональных бюджетов в периоды

повышенной нестабильности, обусловленной внешними вызовами, требует дополнительного анализа.

Предметом исследования в настоящей работе является общая картина динамики структуры расходов КБ субъектов РФ в период 2018-2025 гг. При этом за точку отсчета приняты 2018 и 2019 годы, в которые не происходило значительных возмущений.

Информационной базой нашего исследования являлись данные Федерального казначейства об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ.

Мы будем придерживаться следующей последовательности изложения. Анализ начнем с характеристики функциональной структуры расходов совокупного консолидированного бюджета, под которым мы понимаем сумму консолидированных бюджетов субъектов РФ. А затем покажем, из каких вариантов складывается эта структура в разрезе субъектов РФ.

Сделаем предварительное замечание. В настоящей статье термины «субъект РФ» и «регион» являются полными синонимами.

Анализ структуры расходов совокупного консолидированного бюджета

Анализ структуры расходов КБ субъектов РФ проводился в разрезе функций органов государственного управления в соответствии с Бюджетной классификацией Минфина РФ. Рассматривались разделы (они приводятся ниже на графиках), доля, которых в расходах совокупного КБ превышает 1% в каждый год рассматриваемого периода. Такие разделы назовем основными и введем для них обозначения, которые будут использоваться в таблицах и рисунках: «Общегосударственные вопросы» (ОбГВ), «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» (НБиПД), «Национальная экономика» (НЭ), «Жилищно-коммунальное хозяйство» (ЖКХ), «Образование» (ОБР), «Культура и кинематография» (КиК) «Здравоохранение» (ЗДР), «Социальная политика» (СП), «Физическая культура и спорт» (ФКиС)[1].

Доли функциональных разделов в расходах совокупного КБ для упрощения изложения будем называть агрегированными долями. Значения агрегированных долей разделов, удовлетворяющих выбранному критерию, за 2018-2025гг. представлены на рис. 1. Отметим, что совокупный КБ имел выраженную социальную направленность во все годы рассматриваемого периода: суммарная доля разделов «Образование», «Здравоохранение» и «Социальная политика» превышала 50%. Получить представление о динамике агрегированных долей разделов можно из рис. 1, однако, для большей наглядности изменения этих значений, выраженные в процентных пунктах, покажем на рис. 2.

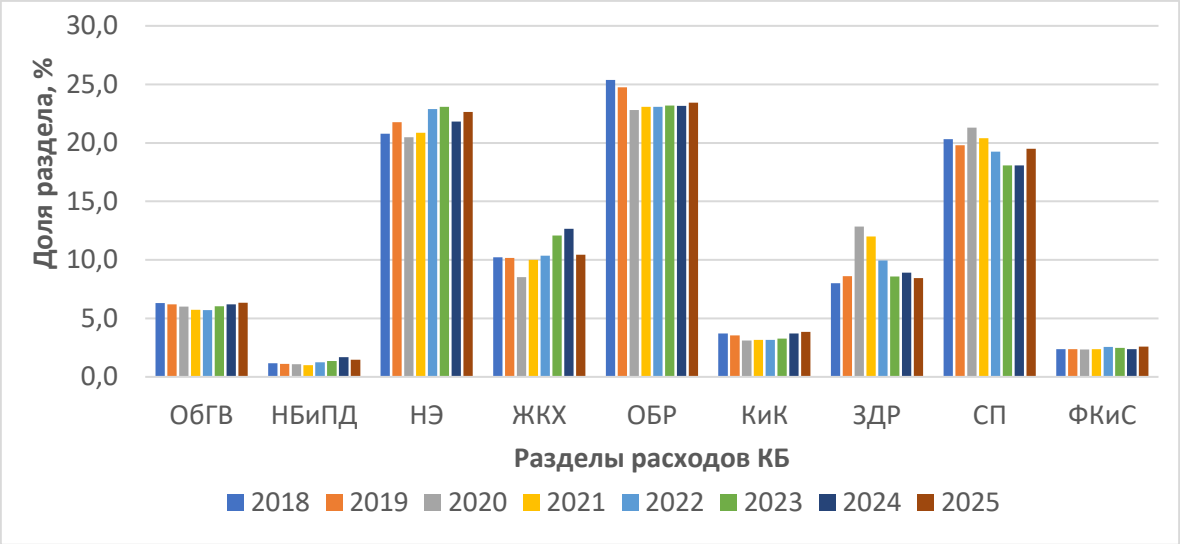

Рис. 1. Доли (агрегированные) основных функциональных разделов расходов совокупного КБ, 2018-2025 гг.

[1] Исключены разделы: «Национальная оборона», «Охрана окружающей среды», «Средства массовой информации», «Обслуживание государственного и муниципального долга».

Лидером по величинам агрегированной доли, которые изменяются от 22,82 % в 2020 г. до 25,38 % в 2018 г. (см. рис 1), является раздел «Образование». Описываемая доля, заметно снизившись в 2020 г. на 1,93 п.п. в ответ на пандемию ковида, которая потребовала увеличения расходов на здравоохранение и социальная политику, в 2021 и 2025 г. незначительно росла, но не достигла начального уровня.

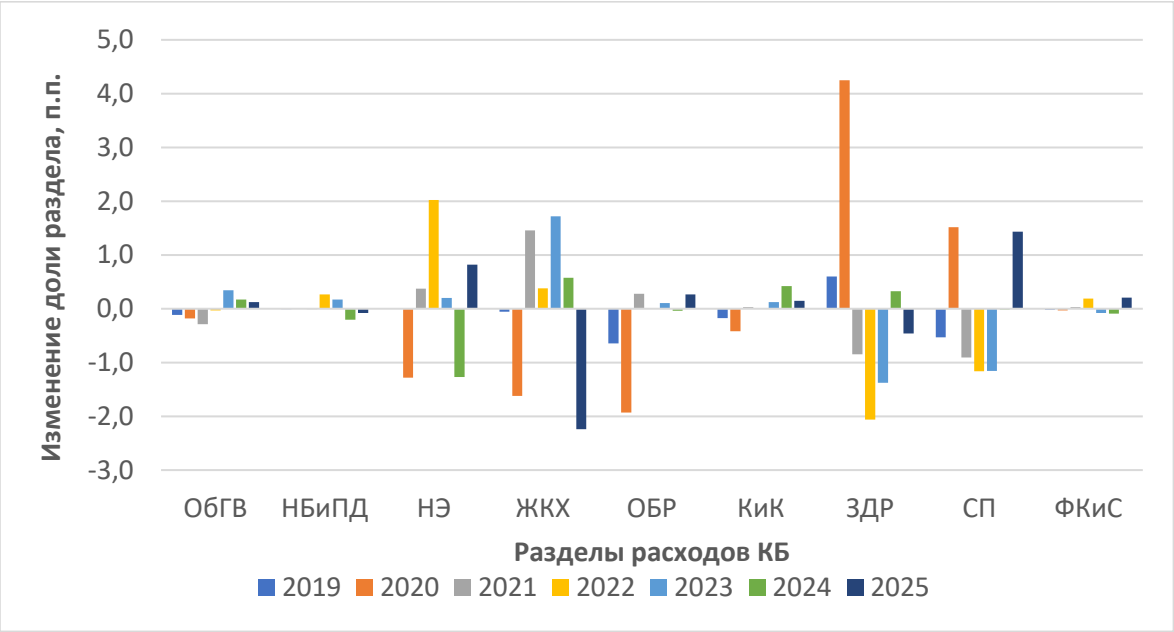

Рис. 2. Динамика долей (агрегированных) основных функциональных разделов расходов совокупного КБ, 2018-2025 гг.

На втором месте по значениям агрегированной доли находится раздел «Национальная экономика». Указанная доля варьировалась в пределах от 20,49% до 23,08% (см. рис 1). Она уменьшилась в 2020 ковидном году на 1,28 п.п., с 2021 по 2023 годы увеличивалась с пиком в 2022 году (2 п.п.), а затем упала в 2024 на почти 1,3 п.п., вернувшись на уровень 2019 года.

Далее следует раздел «Социальная политика», доля которого менялась в диапазоне от 18,07% до 21,31% (см. рис 1). Максимум этой величины был в 2020 г., что является отражением реакции на пандемию ковида. В 2025 г. этот показатель практически вернулся к уровню 2019 г.

Наибольший разброс значений в рассматриваемом периоде наблюдался у агрегированной доли раздела «Здравоохранение» (4,41 п.п.) - от 8,44% до 12,85%. Почти двукратное отличие этого показателя от трех, описанных выше, разделов объясняется преимущественным финансированием здравоохранения из соответствующего внебюджетного фонда. Агрегированная доля раздела «Здравоохранение» значительно выросла в ковидный год на 4,25 п.п., демонстрируя максимальное изменение среди всех разделов на протяжении анализируемого периода. В течение трех последующих лет этот показатель падал, вернувшись к начальному уровню.

Агрегированная доля раздела ЖКХ была сопоставима по величине со «Здравоохранением» и находилась в интервале от 8,54% до 12,67%. Динамика этого показателя отражена на рис. 2 – он упал в 2020 г. на 1,62 п.п., затем следующие 4 года неравномерно рос и в сумме увеличился на 4,13 п.п., а в 2025 снова упал на 2,24 п.п.

Агрегированные удельные веса остальных разделов, представленных на рис. 1 и 2, оставаясь на протяжении рассматриваемого периода практически неизменными, не превышали по ОбГВ – 6,5%, по КиК – 4%, по ФКис – 2,7% и НБиПД – 1,7%

Анализ структуры расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ

Перейдем к детальному анализу расходной политики непосредственно в субъектах РФ и ее реакции на возникающие вызовы. Как и по подавляющему большинству социально-

экономических показателей [2], наблюдается сильная дифференциация субъектов РФ по структуре расходов их КБ.

Необходимо принимать во внимание значительную поляризацию субъектов РФ по величине расходов их КБ на душу населения. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры. В 2018-2023 годы наибольшей эта величина была в Чукотском АО. В следующем за ним Ненецком АО расходы КБ на душу населения в 2018-2022 годы были меньше в 1,5-2 раз, чем в Чукотском АО, а в Ямало-Ненецком АО (2023 г.) – в 1,5 раза. Отставание этого показателя у г. Москва от Ненецкого АО, а в 2023 г. от Ямало-Ненецкого АО, составило от 2,4 до 2,7 раз. Отношение расходов КБ на душу населения в г. Москва к той же величине Республики Дагестан, являющейся аутсайдером по этому показателю, лежит в интервале от 4,1 до 5,3. Сказанное означает, что равным долям какого-либо раздела расходов КБ двух регионов могут соответствовать существенно различающиеся абсолютные величины соответствующих расходов.

Сделаем замечание. Разность между минимальным и максимальным значениями доли какого-либо функционального раздела расходов КБ субъекта РФ для удобства изложения будем называть разбросом или размахом этой доли. Разброс долей основных функциональных разделов расходов КБ субъектов РФ по годам представлен на рис. 3.

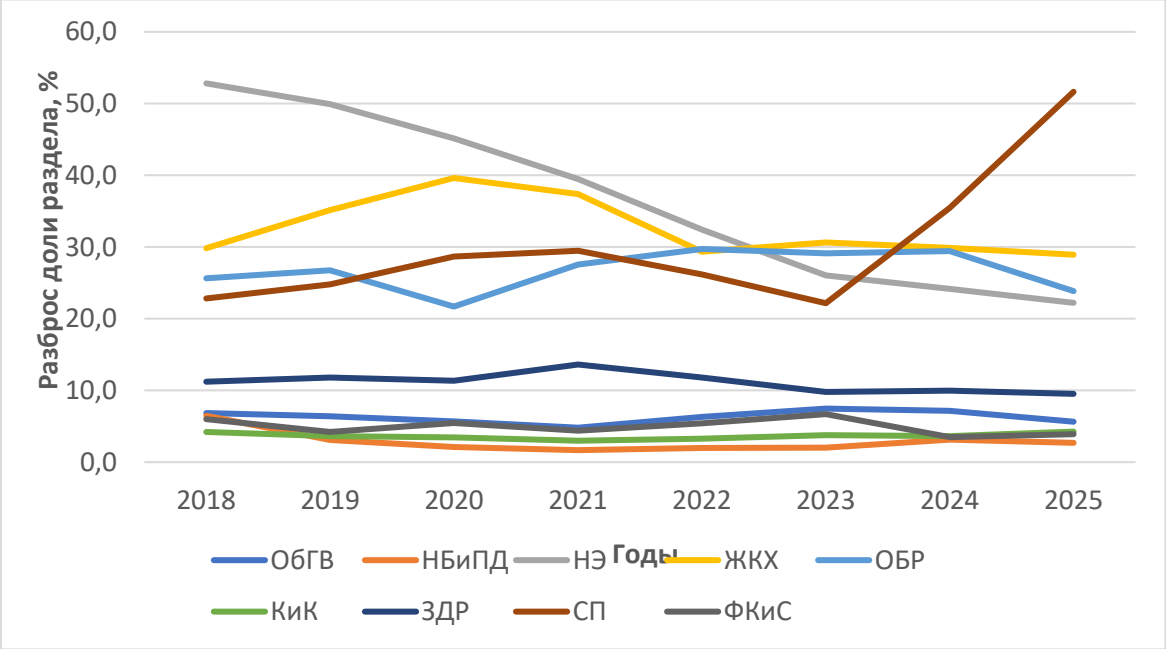

Рис. 3. Разброс долей основных функциональных разделов расходов КБ субъектов РФ, 2018-2025 гг.

Как видно из рис. 3 регионы наиболее поляризованы по четырем разделам, а именно: «Национальной экономике», «Социальной политике», «ЖКХ», «Образованию» и, следующему за ними с заметным отрывом, «Здравоохранению». При этом первые 4 раздела по степени поляризации на протяжении рассматриваемого периода меняются местами.

По удельному весу раздела «Образование» регионы демонстрируют достаточно высокую, но относительно стабильную неоднородность, которая понижалась в 2020 и 2025 гг. (см. рис. 3). Разброс значений этого показателя составляет от 21,7 до почти 30 п.п. в 2020 и 2022 гг., соответственно. В течение всего рассматриваемого периода у более половины, а в некоторые годы у более 2/3 регионов (от 50 в 2020 г. до 70 в 2018 г.) максимальная доля соответствует разделу «Образование». Распределение числа регионов по доле затрат на образование сведено в табл. 1. Наибольшая доля данного раздела отмечается у субъектов Северо-Кавказского федерального округа (далее СКФО) с крайне низким уровнем подушевых расходов КБ и высоким процентом молодого населения: Республики Дагестан –37,98 % (2018 г.), Чеченской Республики –37,86 % (2019 г.), Республики Ингушетия – от 36,98 до 42,41%% (2020-2025 гг.). Минимальная

доля затрат имела место в следующих регионах: г. Москве - от 11,79% до 12,69% (2018, 2020-2023 гг.) и 9,65 (2024 г.), Чукотском АО – 11,12% (2019 г.), Курской области – 13,13% (2025 г.). Подчеркнем, что у всех регионов в течение анализируемого периода доля данного раздела (в отличие от «Национальной экономики») не опускалась ниже 10%.

Таблица 1

Распределение числа регионов по доле раздела "Образование", 2018-2025 гг.

Диапазон доли расходов, %	Число регионов по годам							
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
более 35	6	5	0	2	2	4	5	2
от 30 до 35	30	23	5	6	11	10	20	16
от 25 до 30	34	40	40	43	38	40	36	42
от 20 до 25	9	11	33	26	25	24	18	18
от 15 до 20	4	3	4	6	8	5	5	5
менее 15	2	3	3	2	1	2	1	2

Доля раздела «Образование» в регионах имела выраженную реакцию только на пандемию ковида. В 2020 г. указанная доля сократилась у 59 регионов более, чем на 2 п.п., из них у 40 регионов - более, чем на 3 п.п., в свою очередь, у 22 регионов - более, чем на 4 п.п. и, наконец, у 9 регионов - более, чем на 5 п.п. Лидеры падения –Кабардино-Балкарская Республика (-9,5 п.п.), Республика Тыва (-8,47 п.п.). У регионов, в которых удельный вес «Образования» уменьшился более чем на 5 п.п., этот показатель в 2019 г. превышал 28%. В остальные годы значительные изменения доли «Образования» имели место лишь в отдельных регионах.

В 2018-2023 гг. наибольшая неоднородность регионов наблюдалась по разделу «Национальная экономика» (рис 3), что происходило за счет, с одной стороны, высокой доли затрат (более 40%) в двух регионах (Калининградская область и Республика Крым) и, с другой стороны крайне низкой доли в отдельные годы в нескольких субъектах РФ (см. табл.2). На протяжении всего рассматриваемого периода поляризация регионов по этому разделу расходов сокращалась и в 2023 г. стала меньше, чем по ЖКХ и «Образованию» (рис. 3). Распределение числа регионов по доле «Национальной экономики» представлено в табл. 3. Заметим, что, начиная с 2023 г., нет регионов с удельным весом раздела «Национальная экономика», меньшем 10%. Число регионов, в которых максимум доли приходится на этот раздел, лежит в диапазоне от 8 (2018 г.) до 22 (2022 и 2023 гг.).

Таблица 2

Доля раздела «Национальная экономика» в отдельных регионах, 2018-2025 гг.

Наименование региона	Доля раздела "Национальная экономика" по годам, %							
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Калининградская область	61,04	59,08	53,78	46,74	38,89	37,58	32,17	33,73
Республика Крым	46,60	46,83	41,54	29,77	35,80	36,20	31,64	31,95
Тюменская область	39,08	35,79	27,79	33,22	28,46	27,45	26,11	17,72
Белгородская область	31,77	30,27	23,04	19,53	19,32	19,67	17,14	17,26
г, Москва	29,11	30,59	29,84	29,62	32,24	30,96	26,67	31,76
Магаданская область	8,23	11,20	12,87	11,48	14,27	11,88	13,30	24,14
Еврейская АО	9,43	14,87	13,18	11,39	13,95	20,49	14,80	16,90
Мурманская область	8,68	9,94	10,55	10,46	11,71	12,72	19,46	17,85
Республика Ингушетия	11,21	11,69	8,63	7,33	6,46	11,73	11,10	12,54
Чеченская Республика	9,5	9,2	8,9	7,3	10,2	11,6	16,7	19,3

Таблица 3

Распределение числа регионов по доле раздела "Национальная экономика", 2018-2025 гг.

Диапазон доли расходов, %	Число регионов по годам							
	2018	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**	**2025**
более 35	3	3	2	2	3	2	1	0
от 30 до 35	1	5	1	1	4	2	2	4
от 25 до 30	5	4	7	8	12	16	11	5
от 20 до 25	10	18	19	19	22	30	23	23
от 15 до 20	40	40	37	37	27	27	39	47
от 10 до 15	22	13	17	16	16	8	9	6
менее 10	4	2	2	2	1	0	0	0

В 2020 г. 59 регионов сократили долю «Национальной экономики» против 20 регионов годом ранее. При этом рассматриваемая доля уменьшилась более чем на 5 п.п., у 6 регионов, от 3 до 5 п.п. – у 8 регионов и от 2 до 3 п.п. – у 5 регионов. Резкое падение удельного веса «Национальной экономики» в Чукотском АО (-14,79 п.п.), возможно, связано с завершением какого-то проекта, проблемами ЖКХ (его доля выросла на 5,71 п.п.) и только отчасти с пандемией (доли разделов «Здравоохранение» и «Социальная политика» увеличились всего на 2 и 1,67 п.п., соответственно).

В 2022 году 70 регионов увеличили долю «Национальной экономики», а число регионов, расходующих более 20% по этому направлению, выросло с 30 в три предыдущих года до 35, а в 2023 – до 50-ти. В 2024 году число таких регионов сократилось до 38. Наибольшее увеличение указанной доли в 2020 году произошло в следующих регионах: Республике Мордовия (8,86 п.п.), Самарской области (8,42 п.п), г. Севастополе (8,24 п.п.), г. Санкт-Петербурге (7,33 п.п.), Республике Крым (6,03 п.п.).

Теперь рассмотрим самый динамичный раздел с относительно постоянной неоднородностью регионов – «Здравоохранение» (см. рис. 2, 3). Лидерство по удельному весу этого раздела в рамках изучаемого периода, кроме 2020 и 2021 гг., принадлежит Ханты-Мансийскому АО (от 13,01 до 16,20%). В 2020 г. наибольшая доля «Здравоохранения» наблюдалась у г. Санкт-Петербург (18,21%), а в 2021 г. – у г. Севастополь (18,58%). На другом «полюсе» находятся: Республика Ингушетия (всего 2,59%, 4,3%, 3,41% и 3,49%, соответственно, в 2018, 2019, 2023 и 2025 гг.), Чукотский АО (6,88% в 2020 г.), Чеченская Республика (4,97%, 3,88%, и 3,66%, соответственно, в 2021, 2022 и 2024 гг.). Распределение числа регионов по доле «Здравоохранения» приведено в табл. 4, из которой видно, что у большинства регионов в анализируемом периоде, кроме 2020 и 2021 годов, доля «Здравоохранения» находится в интервале от 5 до 10%.

Таблица 4

Распределение числа регионов по доле раздела "Здравоохранение", 2018-2025 гг.

Диапазон доли расходов, %	Число регионов по годам							
	2018	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**	**2025**
от 15 до 20	0	1	8	3	1	0	0	0
от 10 до 15	7	8	54	50	20	10	11	9
от 5 до 10	71	72	23	31	61	67	68	71
менее 5	7	4	0	1	3	8	6	5

Самым тяжелым в сфере здравоохранения для регионов явился 2020 год, в который все они, за исключением Ханты-Мансийского АО и Ненецкого АО, увеличили удельный вес соответствующего раздела. При этом доля «Здравоохранения» выросла более, чем на 2 п.п., у 73

регионов, из них более, чем на 4 п.п. – у 33 регионов и, в свою очередь, из них более, чем на 5 п.п., – у 19 регионов. В трех регионах (Ивановская область, Республика Мордовия и г. Севастополь) увеличение доли «Здравоохранения» составило более 8 п.п. В последующие годы максимальный рост доли этого раздела не превышал 3 п.п.

Отличительной чертой раздела «Социальная политика» является резкое возрастание неоднородности регионов в конце рассматриваемого периода (см. рис. 3). Регионы с наибольшими и наименьшими значениями доли этого раздела приведены в табл. 5, а распределение числа регионов по указанному показателю – в табл. 6. В табл. 5 цветом помечены максимальные доли раздела в соответствующем году. Заметим, что минимальный удельный вес расходов на социальную политику во все годы анализируемого периода наблюдался в Чукотском АО. Число регионов, у которых максимум доли приходится на раздел «Социальная политика», с 2020 по 2022 годы равно 22, 17 и 1, соответственно. В остальные годы число таких регионов колеблется от 3 до 5.

Выраженное изменение удельного веса «Социальной политики» у большого числа регионов наблюдалось в 2020 году. Так этот показатель увеличился более чем на 2 п.п. у 37 регионов, из них более чем на 3 п.п. – у 18 регионов, в т.ч. более чем на 4 п.п., – у 9 регионов. В пяти регионах рост составил более 5 п.п. К ним относятся 3 региона СКФО (Кабардино-Балкарская Республика (10,41 п.п.), Чеченская Республика (6,57 п.п.), Карачаево-Черкесская Республика (5,7 п.п.)), а также Астраханская область (5,53 п.п.) и Еврейская АО (5,44 п.п.). Первые 4 региона отличаются крайне низкими доходами их КБ на душу населения. Похожая динамика характерна и для 2025 года.

Таблица 5

Доля раздела «Социальная политика» в отдельных регионах, 2018-2025 гг.

Наименование региона	Доля раздела "Социальная политика" по годам, %							
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Алтайский край	29,85	28,29	29,71	28,18	25,63	24,05	22,72	24,95
Республика Ингушетия	27,86	29,47	32,50	33,31	30,76	25,64	22,03	23,54
Иркутская область	24,22	29,34	28,59	25,37	24,96	23,33	23,45	25,90
Чеченская Республика	29,74	28,48	35,05	35,69	32,22	25,40	23,15	22,59
Кабардино-Балкарская Республика	25,23	23,96	34,37	34,84	33,12	27,95	24,24	27,38
Тюменская область	18,70	20,64	21,88	18,35	23,36	29,07	31,70	34,86
Курская область	23,27	20,93	23,18	21,39	18,54	17,23	43,32	60,36
Калининградская область	9,31	9,35	12,59	12,77	14,25	13,70	14,23	15,23
Чукотский АО	7,0	4,7	6,4	6,2	6,9	6,9	7,9	8,7

Таблица 6

Распределение числа регионов по доле раздела "Социальная политика ", 2018-2025 гг.

Диапазон доли расходов, %	Число регионов по годам							
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
более 35	0	0	1	1	0	0	1	1
от 30 до 35	0	0	5	6	3	0	2	1
от 25 до 30	24	14	22	18	11	7	2	10
от 20 до 25	41	47	38	37	38	37	32	40
от 15 до 20	11	13	11	15	23	30	36	25
от 10 до 15	7	9	7	7	8	9	10	6
менее 10	2	2	1	1	2	2	2	2

При относительно небольшой величине агрегированной доли раздела ЖКХ дифференциация регионов в этом разделе велика. Разброс доли ЖКХ в 2023 г. был больше, чем в других разделах, с 2018 по 2022 уступал только разбросу в «Национальной экономике», а в 2024 и 2025 гг. – «Социальная политика». Максимальный удельный вес ЖКХ во все годы анализируемого периода наблюдался в Чукотском АО (от 31,26% в 2025 г. до 42,39% в 2020 г.). Аутсайдером по доле ЖКХ являлись в 2018, 2019 и 2024 гг. Кабардино-Балкарская Республика (2,0%, 1,54% и 3,25%, соответственно), в 2020-2022 гг. Республика Ингушетия (2,77%, 2,42%, 3,70%, соответственно), в 2023 г. Тюменская область (3,83%), в 2025 г. Курская область (2,34%). Распределение числа регионов по доле ЖКХ показано в табл. 7.

Таблица 7

Распределение числа регионов по доле раздела «Жилищно-коммунального хозяйства», 2018-2025 гг.

Диапазон доли расходов, %	Число регионов по годам							
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
более 35	0	1	1	1	0	0	0	0
от 30 до 35	1	0	0	0	1	1	1	1
от 25 до 30	0	0	0	0	0	0	1	0
от 20 до 25	3	1	0	0	0	3	2	3
от 15 до 20	2	6	4	6	11	8	5	3
от 10 до 15	14	8	8	12	8	21	16	17
от 5 до 10	32	44	47	45	57	48	51	55
менее 5	33	25	25	21	8	4	9	6

Динамика доли ЖКХ в каждый год рассматриваемого периода отличалась большей неоднородностью, чем динамика долей других разделов. Относительно влияния внешних вызовов с уверенностью можно сказать только то, что в 2020 г. в Мурманской области, г. Москве и Приморском крае удельные веса здравоохранения и социальной политики увеличены главным образом за счет значительного сокращения (-6,47 п.п., -5,8 п.п. и -4,75 п.п., соответственно) доли ЖКХ. В этом же году доли ЖКХ увеличились в Республике Крым на 3,1 п.п. и Чукотском АО на 5,71 п.п. В табл. 8 представлены регионы с наименьшим (менее 2 п.п.) и наибольшим (более 10 п.п.) разбросом изменения доли ЖКХ за 2019-2025 гг.

Таблица 8

Динамика доли раздела «Жилищно-коммунального хозяйства» в отдельных регионах, 2019-2025 гг.

Наименование региона	Изменение доли раздела «ЖКХ», %							Разброс, п.п,
	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	
Камчатский край	0,66	0,60	-0,44	0,82	-0,15	0,87	-0,77	1,64
Брянская область	0,02	-0,71	0,32	0,61	0,62	-1,04	0,19	1,66
Смоленская область	0,92	-0,05	0,03	1,12	1,40	0,28	-0,40	1,80
Ивановская область	-0,25	-1,20	0,27	0,65	-0,19	0,25	-0,64	1,85
Алтайский край	0,39	-0,43	1,25	1,36	-0,41	0,87	-0,54	1,90
Пензенская область	1,06	-0,02	-0,22	1,25	-0,30	0,98	-0,67	1,92
Воронежская область	0,13	0,10	0,97	1,33	-0,41	0,02	-0,61	1,95
Республика Крым	1,04	3,10	6,12	1,27	-4,64	-0,46	4,46	10,76
Мурманская область	4,21	-6,47	5,08	3,02	-2,16	-3,05	-3,42	11,54
Еврейская АО	1,70	-0,01	2,12	6,97	3,15	-5,08	0,07	12,05

Чукотский АО	4,86	5,71	-2,58	-6,77	1,43	-1,34	-1,86	12,48
Республика Саха (Якутия)	0,58	-0,09	2,08	0,79	2,76	-3,64	-10,79	13,55
г. Москва	-2,07	-5,80	4,05	-2,38	5,60	4,98	-8,75	14,36

В завершение настоящего исследования количественно оценим степень изменения структуры расходов КБ регионов. Для этого используем величину перераспределяемой доли расходов, рассчитанную суммированием положительных изменений долей разделов расходов КБ субъекта РФ за период и выраженную в процентных пунктах. Очевидно, что эта сумма равна сумме уменьшения долей за тот же период. Описанный показатель назовем индексом перераспределения. Регионы с минимальным и максимальным годовым индексом перераспределения приведены в табл. 9. Сложив для каждого региона годовые индексы перераспределения за 2019-2025 гг., получим оценку волатильности структуры расходов региональных КБ за этот временной период. Согласно этой оценке наименее волатильной структура расходов КБ была в Ханты-Мансийском АО (19,64 п.п.), Ленинградской области (19,81 п.п.), Красноярском крае (20,1 п.п.), Камчатском крае (20,24 п.п.), а наиболее волатильной – в Еврейской АО (60,07 п.п.), Курской области (73,03 п.п.), г. Севастополе (80,34 п.п.).

Таблица 9

Годовой индекс перераспределения структуры расходов КБ отдельных субъектов РФ, 2019-2025 гг.

Год	Регионы с минимальным индексом перераспределения, п.п.		Регионы с максимальным индексом перераспределения, п.п.	
2019	Орловская область	1,57	г. Севастополь	12,01
2020	Ханты-Мансийский АО	1,93	Кабардино-Балкарская Республика	17,28
2021	Ставропольский край, Республика Карелия	1,40	Республика Крым	11,80
2022	Ханты-Мансийский АО	2,29	г. Севастополь	14,17
2023	Липецкая область	1,99	г. Севастополь	16,15
2024	Красноярский край	1,76	Курская область	26,50
2025	Ханты-Мансийский АО	2,08	Курская область	17,04

Определим сводный индекс перераспределения как сумму индексов перераспределения по всем регионам и сведем результаты его вычисления в табл. 10. Из этой таблицы видно, что наибольшим изменениям функциональная структура расходов КБ субъектов РФ подвергалась в 2020 г. и 2022 годы в ответ на внешние вызовы.

Таблица 10

Годовой сводный индекс перераспределения структуры расходов КБ субъектов РФ, 2019-2015 гг.

Показатель	Годы						
	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Сводный индекс перераспределения, п.п	394,80	600,16	327,60	501,36	455,35	435,81	460,44

Выводы и заключение

Проведенный анализ структуры расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ за 2018–2025 гг. позволяет сделать вывод о том, что изменения в распределении бюджетных

ресурсов в большинстве субъектов РФ в целом корреспондировались с ключевыми событиями и вызовами данного периода. Функциональная структура расходов КБ субъектов РФ наиболее существенно менялась в 2020 и 2022 гг., отражая адаптацию региональных бюджетов к внешним вызовам.

Выявлена значительная неоднородность субъектов РФ по структуре расходов их КБ, а также по характеру и масштабу ее изменений, что отражает региональную специфику социально-экономических условий и финансовых возможностей. В результате одни регионы демонстрировали более выраженное перераспределение расходов, тогда как другие сохраняли относительно стабильную структуру расходов либо корректировали ее постепенно.

Регионы, более устойчивые финансово, имели больше возможностей для маневра и могли сочетать выполнение социальных обязательств с финансированием развития, тогда как регионы с более ограниченной доходной базой и низкими подушевыми значениями бюджетных расходов чаще были вынуждены концентрировать ресурсы на первоочередных и обязательных, преимущественно, социальных расходах, усугубляя проблему зависимости региональных бюджетов от федеральных межбюджетных трансфертов. В условиях сохраняющейся нестабильности особое значение приобретает способность региональных бюджетов не только обеспечивать исполнение текущих обязательств, но и оперативно перераспределять ресурсы в пользу наиболее значимых направлений.

Аналитические материалы и выводы, приведенные в настоящей статье, могут быть полезны для оценки качества бюджетной политики субъектов РФ, выявления рисков несбалансированности региональных бюджетов, а также при разработке мер, направленных на укрепление финансовой устойчивости субъектов РФ и повышение результативности и эффективности расходования бюджетных средств.

Литература

1. Балаев А. И. Влияние структуры бюджетных расходов на экономический рост в России. // Экономическая политика. 2018. Том 13. № 6. С. 8-35.
2. Бахтизин А. Р., Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В. Ранжирование субъектов Российской Федерации по потенциалу и темпам социально-экономического развития. // Регион: экономика и социология. 2016. № 2. С. 3-22. DOI: 10.15372/REG20160201.
3. Гурвич Е.Т., Краснопеева Н.А. О формировании структуры расходов региональных бюджетов // Вопросы экономики. 2024. № 1. С. 5–32. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-5-32.
4. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика // Региональные исследования. 2023. № 1 (79). С. 31–41. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-3.
5. Зубаревич Н.В., Землянский Д.Ю. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2022 году: основные тенденции // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 3. С. 47-54.
6. Кадомцева С.В., Манахова И.В. Государственные финансы и качество жизни населения регионов Северо-Западного федерального округа // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2024. Том 16. Выпуск 2. С. 63-79. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-2-63-79.
7. Кунин, В. А., Иргит, С. О. Сравнительная оценка статистических показателей региональных бюджетов республик Алтай, Бурятия и Тыва в контексте выявления факторов повышения социально-экономического уровня регионального развития // Фундаментальные исследования. 2024. № 5. С. 47-52.
8. Кудрин, А. Л., Кнобель, А. Ю. Бюджетная политика как источник экономического роста // Вопросы экономики. 2017. № 10. С. 5-26.
9. Лыкова Л.Н. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2020 г.: возможности выполнения обязательств в условиях кризиса // Федерализм. 2021. Т. 26. № 1 (101). С. 207–220.

10. Магомедов Р.Ш., Седова С.В. Расходы на национальную экономику в консолидированных бюджетах субъектов СКФО, 2005-2021 гг.: структурный анализ // Проблемы рыночной экономики. – 2025. – № 2. – С. 30-49. DOI: 10.33051/2500-2325-2025-2-30-49.

11. Чиджиев А. У. Структурный анализ регионального бюджета в условиях реализации бюджетной политики на материалах Республики Калмыкии // Управленческий учет. 2024. № 12. С. 218-228.

12. Яковлева А. С. Влияние бюджетной политики на экономическую безопасность региона (на примере Приволжского федерального округа) // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № 5. — URL: https://esj.today/PDF/69ECVN524.pdf.

13. Behera D., Dash U. Examining the state level heterogeneity of public health expenditure in India: An empirical evidence from panel data // International Journal of Healthcare Technology and Management. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 75–95.

14. Shao Q., Tao R., Luca M. The effect of urbanization on health care expenditure: Evidence from China // Frontiers in Public health. 2022. Vol. 10. Article 850872. DOI: 10.3389/fpubh.2022.850872.

15. Sousa K., Monte P. Public expenditure composition and fiscal decentralization in Brazilian local govenmants: an analysis through inconditional quantile regresion with longitudinal data // Revista de Administração Pública. 2021. vol. 55. no. 6. P. 1333–1354.

References

1. Balaev, A. I. The Impact of Public Expenditure Structure on Economic Growth in Russia. // Economic Policy. 2018. Vol. 13. No. 6. P. 8-35. (In Russian).

2. Bakhtizin A.R., Bukhvald Ye.M., Kolchugina A.V. Ranking the subjects of the Russian Federation based on their potential and rates of socio-economic development. // Region: Economics & Sociology. 2016. No 2(90). P. 3-22. DOI: 10.15372/REG20160201. (In Russian).

3. Gurvich E.T., Krasnopeeva N.A. Determinants of public spending composition in the Russian regions // Voprosy ekonomiki. 2024. No. 1. P. 5–32. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-5-32. (In Russin).

4. Zubarevich N.V., Zemlyansky D.Yu. Consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation in 2022: main trends] // Ekonomicheskoye razvitiye Rossii. 2023. Vol. 30. No 3. P. 47–54. (In Russian).

5. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Fiscal differentiation of Russian regions: scale and dynamics // Regional'nyye issledovaniya. 2023. No 1 (79). P. 31–41. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-3. (In Russian).

6. Kadomtseva, S.V., Manakhova, I.V. Public Finance and Quality of Life of the Population of the Regions of the North-Western Federal District. // Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal. 2024. Vol. 16, No. 2. P. 63-79. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-2-63-79. (In Russian).

7. Kunin V.A., Irgit S.O. Comparative assessment of statistical indicators of the regional budgets of the Altai, Buryatia and Tyva republics in the context of identifying factors of increasing the socio-economic level of regional development // Fundamental'nyye issledovaniya. 2024. No 5. P. 47-52. (In Russian).

8. Kudrin, A. L., Knobel, A. Yu. Fiscal policy as a source of economic growth // Voprosy ekonomiki. 2017. No 10. P. 5-26. (In Russian).

9. Lykova L. N. Consolidated budgets of Russian regions in the context of the crisis provoked by the global pandemic // Federalism. 2020. Vol. 25. N 3 (99). P. 19–38. (In Russian).

10. Magomedov R.Sh., Sedova S.V. Expenditures on the national economy in the consolidated budgets of the subjects of the North Caucasus Federal District, 2005-2021: structural analysis // Market economy problems. – 2025. – No. 2. – P. 30-49. DOI: 10.33051/2500-2325-2025-2-30-49. (In Russian).

11. Chijiev A. U. Structural analysis of the regional budget in the context of budget policy implementation based on the materials of the Republic of Kalmykia // Upravlencheskiy uchet. 2024. No. 12. P. 218-228. (In Russian).

12. Yakovleva A. S. The impact of budgetary policy on the economic security of the region (on the example of the Volga Federal District) // The Eurasian Scientific Journal. 2024. Vol. 16. No. 5. URL: https://esj.today/PDF/69ECVN524.pdf. (In Russian).

13. Behera D., Dash U. Examining the state level heterogeneity of public health expenditure in India: An empirical evidence from panel data // International Journal of Healthcare Technology and Management. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 75–95. (In Russian).

14. Shao Q., Tao R., Luca M. The effect of urbanization on health care expenditure: Evidence from China // Frontiers in Public health. 2022. Vol. 10. Article 850872. DOI: 10.3389/fpubh.2022.850872.

15. Sousa K., Monte P. Public expenditure composition and fiscal decentralization in Brazilian local govenmants: an analysis through inconditional quantile regresion with longitudinal data // Revista de Administração Pública. 2021. vol. 55. no. 6. P. 1333–1354.

Об авторе

Седова Светлана Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (ЦЭМИ РАН), Москва.

About author

Svetlana V. Sedova, Candidate of Sci. (Econ.), Senior Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of RAS (CEMI RAS), Moscow.